

ШИРИН МАНАФОВ

юмореска

Беленькая

На своем бакинском концерте 24 марта 1996 года Жванецкий много и с удовольствием рассказывал о колоритном одессите по фамилии Беленький.

Этот самый Беленький много и порой остро шутил с советской властью, за что имел приводы в милицию. Сейчас шутит в Америке.

У нас в Баку процветала целая плеяда Беленьких, которые давали молодежи великие мастер-классы и без всяких приводов в милицию. Профессор Ася Исааковна Беленькая, легенда медицинского института, вершина творчества местных Беленьких. Преподавала анатомию с сороковых по восьмидесятые годы. Студенты ее обожали, особенно после того, как у нее развилась тугоухость.

– Я прекрасно читаю по губам, – предупреждала она студентов на зачетах.

Опишу один из ее великолепных мастер-классов. В нашей группе учился некий индус, редкий, надо признать, болван. История эта произошла как раз тогда, когда Леонид Ильич Брежнев произнес свое ставшее знаменитым: «Уважаемая госпожа Индира Ханди».

Индус, вообще-то из Шри-Ланки, тогда Цейлона, никак не мог сдать зачет Беленькой. Трижды пытался. Асясяковна, как мы ее называли, трижды посылала студента в глубокий нокаут и довела беднягу до крайней степени отчаяния. Индус по имени Абдул Разак резко похудел, побледнел, дрожал при одном упоминании о четвертой попытке и, говорят, даже звонил в московское посольство своей страны. Декан нашего факультета сам лично просил за Абдула, утверждая, что все дело в слабом знании русского языка.

– Пусть отвечает на латыни, – парировала Асясяковна, – как все.

Декан утверждал, мол, он просит за Абдула по просьбе самого ректора института, Беленькая стояла намертво – студент безнадежно туп и надо отчислять.

Разговор происходил в кабинете Асясяковны и в присутствии нашей группы, потому что Асясяковна терпеть не могла и декана, и вообще всех, кто просит за студентов.

– Согласен, баран, – говорил декан. – Но это не наш баран. А баран дружественной нам страны с древними традициями. Индия мудра и быстро поставит этого кретина на место, он будет продавать в аптеке снотворное из сушеных ушей слона. Страна прекрасная, платит за своего болвана золотом, закройте глаза и напишите «зачтено». Мы никогда не узнаем, что он там со своими больными вытворляет.

– Авторитет нашего института пострадает, – отвечала непреклонная Асясяковна.

– Также резонно, – отвечал декан, причем, не лукавя.

Во времена застоя предприятия и институты боролись за переходящие знамена

и кубки, и декан не лицемерил.

– Я искренне восхищаюсь стойкостью Аси Исааковны, – обращается декан к студентам. – Но на меня давят сверху, сбоку, отовсюду. Звонили из Москвы. Ну, хоть что-то он должен знать?

– У студента Хамрашипура, – говорит наша староста Ульвия, – большой интерес к процессу деторождения. Мечтает стать гинекологом.

– В гинекологии ваш Хаммурапи ноль, – отвечает Асясяковна. – Неделю назад, на третьей пересдаче, я у него спросила, чем отличается плацента от плацебо. Мычал полчаса. Гнать надо таких из медицинского. Индия скажет нам спасибо. Если хотите, я сама переговорю с представителем их посольства.

– По поводу плаценты, – сказал декан, – Ася Исааковна, я вас прошу, пропустите этого типа, спросите еще раз. Нельзя же так сразу и резко, после исторического визита Брежнева в Индию, после ответного визита Индиры Ганди в Москву, вы срезаете их представителя и выгоняете из Союза. Какой резонанс приобретет ваш поступок в Дели? А как посмотрят на это дело в Москве? Ведь они должны купить у нас двадцать самых дорогих истребителей. Ася Исааковна, вы же член партии с 38-го года.

– Сломали – уговорили, – ответила Асясяковна и оглядела группу. В ее взгляде был вызов. – Как член партии я готова пойти навстречу и пропустить очередного бездаря. Пусть это будет на вашей совести. Но по женской мочеполовой системе я его погоняю.

– И только по ней, – декан выразительно посмотрел на старосту.

Через три дня Беленькая выждала, когда соберется вся группа, и приступила к очередной трепанации черепа студента, как оказалось, из Бангладеша, из самых бангладешских рабочих низов.

Абдул Разак по кличке Хамраши явился в анатомичку с большим тортом.

– А торт вам зачем? – спросила Ася Исааковна.

Студент с ненавистью оглядел нашу группу. Все три дня, пока он готовился к пересдаче, мы уверяли его, что Асясяковна обожает сладкое.

– Можно отнести в ваш кабинет? – робко спрашивает студент.

– Слушайте, – взрывается Асясяковна, – расскажите, что вы знаете о строении женского малого таза, и закончим этот кошмар.

Абдул закатил глаза к потолку.

– Я сегодня сама доброта, – улыбка Асясяковны была предвестником праздника для группы и ужаса для студента. – Быстро, что такое ювенильное кровотечение, и проваливайте.

– У меня зуб болит, – представитель бангладешских рабочих еле сдерживал стон.

– Интересно, как вы думаете... – сказала Асясяковна. Группа замерла в предвкушении. Спектакль начался. – Давайте поговорим о качестве ваших мозгов. Я цитирую ваш учебник анатомии Привеса: «В яичнике находятся клетки Лейдига. Это интерстициальная железа, которая влияет на жировой обмен, развитие вторичных половых признаков и на эротизацию нервной системы». Вы согласны с автором вашего учебника?

– Во всем, – закивал Абдул.

Асясяковна ненавидела студентов, у которых нет вопросов ни к авторам учебников, ни к преподавателям.

– Не кажется ли вам, что точнее было бы – эротизация головного мозга, и даже если совсем точно – эротизация личности молодого человека? – лукаво поджав губы, спрашивает Асясяковна.

– Конечно, – вскричал Абдул. – Я сам подумал, когда прочитал, при чем тут эротизация нервной системы?

– Вот и обоснуйте, что точнее, – ласково говорит Асясяковна. – Эротизация нервной системы, или головного мозга, или личности в целом.

– Когда я вижу красивую женщину, – сказал Абдул, – я ни о чем другом думать не могу. Мой мозг решает только одну задачу – есть у меня шанс или нет.

– Признайте, Асясяковна, ведь не совсем круглый дурак, – присутствовавший на зачете заместитель декана с надеждой посмотрел на Беленькую. – Он согласен с вами, кстати, прекрасная тема для кандидатской диссертации. Правда, не в нашей стране.

– Хотелось бы точнее и глубже, – упрямо поджав тонкие губы, обращается к студенту Ася Исааковна.

На дворе 1975 год, апогей застоя.

– Неужели вы думаете, что тема Эротизация головного мозга и тем более личности может быть принята к защите в СССР? – с неподдельным изумлением говорит замдекана.

– Даже студентам в библиотеке медицинского не дают труды Фрейда и Юнга, – говорит староста.

– Тем более, – Асясяковна оглядывает нашу группу, все 20 пар глаз впелись в нее, каждой паре глаз казалось, что Асясяковна обращается именно к ним. – Интересная тема для диссертации.

Из нашей группы вышло пять докторов и семь кандидатов наук, из них половина – настоящие ученые. Эта половина целиком на совести Асиясяковны. Она открыла нам, как работать с учебниками. Их надо перерастить, опротестовать. Мы перестали зубрить.

– Упростим экзекуцию, – снизошла Асясяковна, – пусть этот сын непальского йога говорит, что знает в области гинекологии. Я все вытерплю.

Студент опустил голову и забубнил.

– Женская мочеполовая система начинается с девственной плеврой (!). Начинать рассказ надо с девственной плеврой...

Беленькая застонала. Ей было далеко за семьдесят, она почти ничего не видела, почти ничего не весила, и ее было легко вывести из себя.

– Смотри на меня, бенгалец, – Асясяковна вскинула свои тонкие ручки, сжала кулачки. – Представь, индус, что мое тело – это матка. Одна сплошная матка, утерус по-латыни. Представил?

– Представил, – пролепетал студент, со страхом поглядывая на нависшие над ним два кулачка размером с гусиное яйцо каждый.

– Тогда что есть мои руки? – Асясяковна, размахивая своими кулачками, наедвигается на студента. – Скажешь – отпущу. Не скажешь, буду гонять по всем внутренностям, пока сам не попросишься к себе в Камбоджу. – Обращается к замдекана: – И никакая Индира Ганди, и никакой ЦК вашей компартии во главе с самим.... Пусть скажет индус, что есть мои руки, если тело мое – матка.

– Ваши руки, ваши руки, – бормочет студент, – что есть ваши руки? – Уморяюще смотрит на группу, и вдруг, услышав подсказку, радостно кричит: – Ваши руки

– часть скелета, вы обещали его кафедре.

– Умница, – радостно кричит Асясяковна, – фаллопиевы трубы – мои руки, туба утерина.

– Рина-а-а, – вдогонку мычит Абдул.

– Вон отсюда, чтобы я больше тебя не видела на этой кафедре и вообще в этой стране. Прощай, простейшее.

Представитель деканата пулей вылетает из анатомички. Мобильных тогда не было, спешил доложить шефу – катастрофа. Асясяковна прогнала индуса.

– Асясяковна, – говорит староста группы, – вы обещали декану сегодня пропустить студента. Индира Ганди до сих пор в Москве. Специально не уезжает, и Леонид Ильич волнуется. Сделайте им подарок, выпустите гинеколога. Индия и Цейлон ждут.

– Только ради нее, – снизошла Беленькая. – Вопрос для самых-самых. Как Хаммурапи понимает процесс зачатия. Как яйцеклетка попадает в матку, где происходит ее встреча и с кем?

Фиолетовые губы сына йога плясали каждая свой танец.

– Наш Хамрашипур в ступоре, – сказал староста. – Нельзя ли что-нибудь ближе к цейлонской реальности. Между прочим, он сын чайного магната.

– Ладно, упростим, – снисходит Асясяковна. – Итак, мое тело, как мы уже выяснили – матка, утерус. Руки мои – фаллопиевы трубы. Уяснил? – студент мотает головой, – а кулачки мои что есть тогда?

Терпеливо ждет, выждав минуту, произносит:

– Мои кулачки – овариум, место созревания яйцеклетки.

– Это ваши уроки – овариум, – радостно скандирует группа.

Взгляд вконец обалдевшего сына чайного магната скачет по лицам группы.

Двадцать пар глаз с благодарностью смотрят на Беленькую.

Она размахивает своими кулачками-овариумами над головой впавшего в коматозное состояние гостя из Шри Ланки.

Спасибо вам, Асясяковна, все мы вышли из этого чудесного экзамена – овариума, как мифы и легенды Рима из истории Римской империи.

– Еще больше упростим ситуацию, – ласковой коброй шипит на цейлонца из Бангладеш Асясяковна. – Теперь представьте, что мои руки – фаллопиевы трубы, тогда что есть мое тело? В гинекологии проще вопроса нет.

Студент Разак судорожно хватается губами воздух. С ужасом разглядывает почти невесомую Асюсяковну и выдавливает:

– Ваше тело – красивое тело.

– Мое тело – матка, – кричит Асясяковна. – Никакая я не профессор Беленькая.... – обращается к группе. – Скажите этому болвану, как меня зовут.

– Асясяковна – гроза кретинов, – хором скандирует группа.

– В таком случае, – голос Асисяковны звучит зловеще, – какова роль овариума в процессе зачатия и формировании плода. Почему для них, – жест в сторону группы, – этот экзамен – овариум, а для тебя – муки адские? Не пустота ли твоего черепа заставляет тебя страдать?

– Хочу напомнить, наш Хамрашипур – сын председателя цейлонской компартии, – говорит староста.

– Можно, я приду через неделю, – лепечет индус.

Группа умоляет Асюсяковну еще раз проверить знания сына председателя дружественной родной компартии.

– Может, я сложно объясняю? – обращается к группе Асясяковна.

– Очень, очень доходчиво, – отвечает группа. – Еще чуть-чуть, и он все поймет.

Но Ася Исааковна потеряла интерес к студенту. Слишком недалекое простейшее. Трепанация произведена, тоненький, как папиросная бумага, слой серого вещества извлечен, просвечен; он настолько бездарен и зауряден, что тончайшая пленочка небрежным жестом возвращена обратно в черепную коробку. Остается разок-другой встряхнуть коробочку, написать вожделенное «зачтено», и хозяин коробочки навсегда забудет этот кошмар, ставший праздником для нашей группы.

– Уведите его от меня, – Асясяковна обращается к группе тоном английской королевы, удаляющей от двора проворовавшегося вице-канцлера по делам колоний.

– Асясяковна, ради всех народностей Индии и Пакистана, – умоляет группа. – Дайте ему еще один шанс. Полюбуйтесь на свою работу. Его синие губы пляшут, его подбородок дрожит, он никогда уже не станет гинекологом. Вы спасли тысячи индийских женщин и детей.

Тут сын председателя компартии вполне естественно закатывает белки. Он великолепен по-своему. Он отказывается понимать, слушать, искать ответы, он навсегда потерял интерес к медицине. Западной, восточной, народной, любой.

– Вообще, кто он такой, что его интересует в медицине? – взорвалась Асясяковна. Группа застонала в предвкушении карнавала. – Явно не гинекология. Может, сексопатология? Вы сказали, когда я вижу красивую

– Когда я вижу красивую женщину, – говорит Разак и закатывает глаза, – я ни о чем думать не могу. Мой мозг начинает думать над одной проблемой: подойти или нет.

– Хотелось бы точнее и глубже, дорогой вы наш эротоман, – Асясяковна сама нежность. Самое время рисовать с нее портрет «Мать Индии».

– Асясяковна, на дворе 1975 год, – умоляет староста, – в СССР нет секса и тем более эротики.

– Очень жаль, – вздыхает Асясяковна, – торт и зачетку нашего друга из Малайзии ко мне в кабинет.

Цепкими пальчиками опираясь на плечо одной из студенток, Асясяковна идет к себе в кабинет.

Мы идем следом и умоляем дать шанс Хаммурапи, иначе его папу – первого секретаря – посадят за растрату, а Центральный Комитет будет расстрелян в полном составе.

Девочки разлили чай, и мы садимся за большой стол. Асясяковна с гордым видом оглядывает группу – довольны мной?

– Это лучший ваш экзамен, – уплетая торт, отвечаем мы. – Давно такого спектакля не было.

Староста протягивает зачетку цейлонца из Кашмира. Асясяковна хватается зачетку и, стараясь умерить дрожь в пальцах, выводит «зачтено».

– Самое корявое в мире «зачтено», – говорит она и швыряет зачетку с поистине королевской брезгливостью. Кашмирец исчезает.

– Афа, – обращается Асясяковна к студентке, – возьмите лист бумаги и пишите. – Диктует Афе: – Ректору Азгосмединститута им. Н. Нариманова от профессора А. И. Беленькой. Рекомендация. После пережитого сегодня нервного стресса по милости декана Исаева я настоятельно рекомендую поднять вопрос перед министром образования СССР о резком увеличении числа студентов-иностранцев с тем, чтобы на

первом курсе производить отсев и не тянуть бездарей шесть лет вплоть до получения диплома. Хватит выпускать брак. Настоятельно рекомендую в просьбе не отказать.

Ася Исааковна пьет черный кофе. К тарту не притрагивается.

– Асясяковна, попробуйте хоть кусочек, – говорит группа. – Это же ваш праздник.

– Нельзя, – отвечает она. – У меня нашли сахар, только не помню где.

Как сильная молодая львица после успешной охоты, она гордо оглядывает наши сытые, лоснящиеся, счастливые от вкусной добычи лица – довольны ли трапезой?

– Вы еще спрашиваете, – отвечаем мы, – ваш овариум – это пища богов.

Пройдут десятилетия, и эта ваша фраза из письма к ректору – «Настоятельно рекомендую...» – будет вести нас по жизни.

А вы, маэстро, говорите о Беленьком с его нежнейшей антисоветчиной. У нас в Баку такие беленькие колобродили, вряд ли кому на Привозе могло присниться.

На Асясяковну ходили как на премьеру «Юноны и Авось», выискивая и находя даже то, чего там нет.

Ася Исааковна взрастила Юлия Гусмана, подкладывая лучшие кусочки сыну профессора-кардиолога. Да не ему одному досталось. Каждый из студентов черпал из этого щедрого кладезя столько, сколько мог унести с собой.

Сколько настоящих ученых вырастила Асясяковна, угощая своим фирменным блюдом – ненавистью ко всем деканам и деканатам мира, требующим от нее пропустить болванов – сыновей первых и вторых секретарей и профессорских чад.

– Всегда удивлялась, откуда такая чушь, мол, женщина – из адамова ребра, – говорила Асясяковна. – Что может быть скучнее состава ребра? Я бы на его месте создала из аппендикса. Богатейший мир микробов, гормонов и кислот.

– Судя по тому, что получилось, – ответил ей студент Боря Гольдварг, – в тот момент, когда создавалась женщина, именно вы и были на его месте.

– Неплохой комплимент, – отвечает Асясяковна – женщина, которой чуть за семьдесят и почти восемьдесят.

Спасибо вам за все, Ася Исааковна, от имени азербайджанского и цейлонского, ныне шриланкийского народов. Спасибо вам за изысканное угощение – рагу из ляжки бенгальского водяного козла.
